

ТЕМА НОМЕРА:
«ГОРИЗОНТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ЦЕННОСТИ ПРОШЛОГО —
ЦЕННОСТИ БУДУЩЕГО»

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: [10.17805/ggz.2025.1.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2025.1.1)

EDN: [VSVRKY](#)

**АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НАСЛЕДИИ Н. ГОТОРНА:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВИДЕНИЕ**

A. B. Аксенов

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация*

В статье рассматривается трактовка Американской революции в очерках и новеллах Н. Готорна (1804–1864). Демократические убеждения писателя, определяющие его отношение к революции, корректируются в художественных произведениях через создание образов участников революционных событий и повествовательные стратегии. Возникающие здесь противоречия отчасти разрешаются через утверждение единства американской истории колониального и республиканского периодов, трактовку революции как проявления «пуританского духа» на новом историческом этапе. При этом нравственная рефлексия как значимая составляющая читательского восприятия демонстрирует неполноту осмыслиения революции в рамках национальной мифологии.

Ключевые слова: Н. Готорн; Американская революция; американский романтизм; очерк; новелла

THE AMERICAN REVOLUTION IN N. HAWTHORNE'S LEGACY: POLITICAL BELIEFS AND ARTISTIC VISION

*Alexey V. Axyonov
St. Tikhon's Orthodox University,
Moscow, Russian Federation*

The article examines the interpretation of the American Revolution in the sketches and short stories of Nathaniel Hawthorne (1804–1864). The writer's democratic convictions, which determine his attitude toward the revolution, are corrected in his works through the creation of characters of participants in revolutionary events and narrative strategies. The contradictions that arise here are partly resolved through the assertion of the unity of American history of the colonial and republican periods, the interpretation of the revolution as a manifestation of the "Puritan spirit" at a new historical stage. At the same time, moral reflection as a significant component of the reader's response demonstrates the incompleteness of the perception of the revolution within the framework of national mythology.

Keywords: *N. Hawthorne; American Revolution; American Romanticism; sketch; short story*

ВВЕДЕНИЕ

Теме колониального прошлого в творчестве Н. Готорна посвящена обширная литература, трактовке же Американской революции в наследии писателя исследователи уделяли меньше внимания. Однако тема эта важна и в контексте изучения американского романтизма в его отличии от европейского, и для лучшего понимания ретроспективного художественного мышления Готорна, да и в целом для осмыслиения истории Соединенных Штатов.

Романтизм часто определялся как явление революционное, его происхождение связывают с разочарованием в последствиях Великой французской революции (см.: Карельский, 1992). Существенно, что в последствиях Американской революции подобного разочарования не было. Как справедливо отмечала Т. Д. Венедиктова, «новорожденной американской республике не довелось пережить ни ужасов террора, ни позора Реставрации: устами своих газетчиков, политиков, ораторов она год за годом, юбилейно и повседневно, присягала на верность принципам, провозглашенным Революцией» (Венедиктова, 1994: 25–26). Действительно, восприятие Американской революции в нацио-

нальном сознании было иным, чем во многом трагическое, даже катастрофическое переживание революции Французской или Русской европейскими народами. В обыденном, да и в культурном сознании Америки наблюдается как будто гораздо меньше рефлексии по поводу сути и последствий Революции. Америка и по сей день радостно празднует свое освобождение, чествует «отцов-основателей», вдохновляется их идеями.

КОНТЕКСТ: ВАРИАНТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКОМ РОМАНТИЗМЕ

В 20–30-е гг. XIX в., когда Готорн вступил на творческое поприще, молодая республика еще только пыталась осмыслить себя, выработать национальное самосознание. В этом помогали романы, описывающие подвиги Войны за независимость. Началом американского исторического романа считают выход в свет романа «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» Джеймса Фенимора Купера в 1821 г. Современники Готорна зачитывались книгами Джона Пендлтона Кеннеди, Уильяма Гилмора Симмса, Джеймса Кирка Полдинга, Джона Нила и других, воспевавших события Революции. Усилиями этих авторов, а также таких историков, как Мейсон Локк Уимс («История жизни и смерти, добродетелей и подвигов генерала Джорджа Вашингтона», 1800) или Джордж Бэнкрофт («История Соединенных Штатов начиная с открытия Американского континента», 1834–1874), складывалось то, что впоследствии будет названо американской «гражданской религией».

Правда, в системе этой религии оставались лакуны и противоречия. Главной проблемой был пуританский период истории, идеалы которого плохо сочетались с принципами демократии и свободы, равенства и толерантности, провозглашенными Революцией. Как известно, вожди колонии Массачусетс стремились учредить в Новом Свете теократию, в которой духовенство имело бы решающий голос. О демократии же Джон Уинтроп (1588–1649) отзывался как о «самой низкой и худшей из всех форм правления» (цит. по: Wertenbaker, 1950: 26; здесь и далее пер. с англ. наш. — A. A.). Жестокие преследования инакомыслящих в пуританских колониях, сейлемский ведовской процесс — неудобные факты истории, которым Готорн посвятил такие новеллы, как «Кроткий мальчик» (1832), «Мольба Элис Доан» (1835), «Майское дерево Мерри-Маунта» (1836). В парадигме идей Просвещения колониальный период воспринимался как американское «мрачное средневековье», эпоха фанатизма и суеверия, от которой Революция послужила желанным освобождением. Такая трактовка присутствует в упомянутых новеллах Готорна, а в очерке «Главная улица» (1849) он писал о пуританах следующее: «Возблагодарим же Бога,

давшего нам таких предков! И пусть каждое последующее поколение столь же горячо благодарит Всевышнего и за то, что в безостановочном марше веков оно ушло от них еще на шаг вперед» (Готорн, 1982: 340).

В начале XIX столетия в осмыслении американцами своего национального своеобразия сильна была революционная струя с ее пафосом разрыва и отрицания. Освобождение от прошлого празднует американский исторический роман, воспевающий национальное своеобразие и революционную героику. Публицистика осмыслила американский опыт в русле идеи прогресса как наступление новой эпохи. Например, журнал «Демократик Ревью» писал в 1839 г.: «Рождение нашей нации было началом новой истории... которая отделяет нас от прошлого и связывает нас только с будущим» (цит. по: Lewis, 1955: 5); «Наша арена — это развертывающееся будущее. Мы вступаем на его нехоженые пути... с чистой совестью, незапятнанной прошлым» (цит. по: Ibid.: 40).

Такой взгляд коренится в национальной политической традиции. Томас Джефферсон, разработавший «принцип суверенного настоящего», теорию о периодической сменяемости всех законов, обосновывал ее отказом прошлым поколениям в онтологическом статусе, низводя умерших до уровня ничто: «Творец создал землю для живых, а не для мертвых. Права и полномочия могут принадлежать только лицам, а не вещам и не просто материю, не имеющей воли. Мертвые — это даже не вещи» (цит. по: Ibid.: 15). Защита настоящего от «тиrании» прошлого путем его «отмены» — таково решение вопроса, характерное для данного образа мысли.

Однако у Готорна, как и в работах упомянутого историка Джорджа Бэнкрофта, присутствует и другой подход к пуританскому прошлому. По концепции Бэнкрофта (которого Готорн хорошо знал), семена Революции были посеяны именно пуританами. Они отправились в Америку в поисках свободы совести, в рамках первой хартии жили в условиях самоуправления, а преследование инакомыслящих было неизбежным злом, подобно революционному насилию, оправданному в контексте великой цели. Такой подход позволял осмыслить американскую историю в терминах не разрыва, но единства и преемственности.

И для такого осмысления есть свои основания. Столь значимый для американской истории пуританизм — это, как известно, анти-иерархическое, демократическое движение в христианстве. Эти системные принципы проецировались и в политику, не случайно именно пуритане были движущей силой революции в Англии, где наблюдалась корреляция между республиканскими убеждениями и приверженностью радикальным церковным реформам. Придя к власти в американских колониях, пуритане по необходимости выступали ре-

акционной силой, пресекая политическое и религиозное инакомыслие, но сохранили революционную суть своего мировоззрения, которая периодически проявляла себя в колониальный период. Именно таким всплескам бунтарской стихии в XVII и начале XVIII в. посвящены новеллы Готорна 1830-х гг.: «Мой родич, майор Молинью» (1832), «Седой заступник» (1835), «Эндишт и красный крест» (1837).

Эти новеллы обычно входят во все антологии и издания Готорна. Гораздо менее известны произведения, касающиеся самой Революции и Войны за независимость. Это цикл новелл «Легенды губернаторского дома» (1838–1839), очерки «Старые новости» (1835), а также написанные для детей очерки истории Америки, озаглавленные «История дедушкиного кресла» (1840)¹. На этих произведениях мы и остановимся.

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ДЕТЯМ

В цикле для детей излагаются значимые эпизоды американской истории в форме рассказа дедушки внукам о судьбе старого дубового кресла, которое якобы привезла из Англии леди Арбелла Джонсон и в котором с тех пор успели посидеть — волею судьбы или фантазии рассказчика — все значимые деятели прошлого. Такой сюжетообразующий прием Готорн заимствует из романной традиции XVIII в. (см.: Brown, 2004: 125–126), и он задает подход Готорна к осмыслинию истории — через конкретный предмет, артефакт, обеспечивающий преемственность и линейность истории, “*a distinct and unbroken thread of authentic history*” (Hawthorne, 1876: v; далее текст цикла цит. по данному изданию с указанием страниц в скобках). С этим предметом соприкасается множество людей, чьи характеры и судьбы и представляют главный интерес. Значим здесь и сам нарратив — в данном случае рассказ пожилого человека, олицетворяющего прошлое, своим внукам, которые, хотя уже знакомы с родной историей, все еще способны на живую и непосредственную реакцию на происходящее. Такая повествовательная стратегия обеспечивает множественную перспективу, хотя по естественным причинам авторитетным голосом остается пожилой рассказчик. Эти очерки прямо выражают взгляд на исторические события самого Готорна, что делает их важным источником для осмыслиния новелл, допускающих разные толкования.

В одной из таких новелл («Старая Эстер Дадли», 1839) повествователь называет себя «убежденнейшим демократом» (“*a thorough-going democrat*”;

¹ См.: Hawthorne N. The whole history of grandfather's chair: Complete in three parts. Boston : E. P. Peabody, 1840 [Электронный ресурс] // ibiblio. URL: <http://ibiblio.org/eldritch/nh/gchair.html> [архивировано в Wayback Machine] (дата обращения: 05.02.2025).

Hawthorne, 1974: 291). Можно подумать, что эта характеристика приложима и к автору. Готорн активно печатался в журнале «Демократик Ревью», был близок к кругам «Молодой Америки», написал предвыборную биографию своего друга Франклина Пирса, ставшего президентом США от демократической партии. В публицистике и очерках Готорн безоговорочно повторяет мифологемы складывающейся гражданской религии, будь то канонический образ Джорджа Вашингтона или трактовка «Бостонского чаепития» как стихийного народного протesta против несправедливости. Например, при описании Вашингтона в «Истории дедушкиного кресла» автор прибегает к религиозной лексике («великий избавитель», «избранник Божий», «все взирали на него с трепетом и благоговением»²), что вполне в духе Мейсона Уимса или более поздней фрески «Апофеоз Вашингтона» Константина Брумида в ротонде Капитолия.

Но отношение Готорна к Революции не столь однозначно, как можно было бы ожидать от американца демократических взглядов. Как писателя его интересуют не столько достижения революции, сколько породившие ее конфликты и порожденные ею характеры. Кроме того, безоговорочное приятие Готорном идеалов революции не означало согласие с ее методами. В его произведениях прослеживается явная неприязнь к толпе и уличным беспорядкам — необходимому инструменту всякой революции. Так, в трактовке «Истории дедушкиного кресла» протестующие против Гербового акта на улицах Бостона — это «молодые горячие головы» (“the young and hot-headed people” (149)), «городские праздношатающиеся, готовые на любые пакости» (“all those idle people about town who are ready for any kind of mischief” (152)), при виде представителя власти они поднимают «дикий гневный вой» (“a wild and angry howl” (152)), а на их лицах появляется «злобное выражение, которое выглядит еще более ужасным из-за мерцающего пламени костра» (“their faces had an evil aspect, which was made more terrible by the flickering blaze of the bonfire” (152)). По мере приближения к главному событию ночи 26 августа 1765 г. — погрому в домах губернатора и других чиновников — протест приобретает все более зловещий оттенок:

«Толпа тем временем становилась все свирепее и свирепее и, казалось, была готова даже поджечь город ради того, чтобы выгнать друзей короля из дома.

² В оригинале: “the great deliverer” (123), “the chosen man” (187), “none could behold him without awe and reverence” (188).

И все же, какими бы озлобленными ни были собравшиеся, они иногда разражались громким хохотом, как будто озорство и разрушение было их развлечением»³.

Подогретый алкоголем из разграбленных винных погребов народ под конец действует так, «как будто разъяренный дикий зверь вырвался на свободу и с ревом бросился на свою добычу»⁴.

Очевидно, чтобы несколько сгладить тягостное впечатление от этих картин, Готорн делает их не только зловещими, но и величественными:

«Толпа была похожа на бурный поток, который вышел за свои пределы и сметает все на своем пути. Хатчинсон задрожал; в этот момент он почувствовал, что гнев народа в тысячу раз страшнее гнева короля. В этот момент лоялист и аристократ вроде Хатчinsona мог понять, насколько бессильны короли и дворяне, когда незнатные и смиренные выступают против них»⁵.

Но даже такой пафос не убеждает одного юного слушателя, что вынуждает рассказчика оправдывать погромщиков:

«“Дедушка, — возмущенно сказал Лоуренс, — если люди действовали подобным образом, они не были достойны даже той свободы, которую король Англии был готов им предоставить”.

“Это был в высшей степени неоправданный поступок, как и многие другие народные волнения того времени, — ответил дедушка. — Но мы не должны ставить под сомнение справедливость народного дела только потому, что возбужденная толпа была виновна в возмутительном насилии. Кроме того, все это было сделано в порыве негодования. Впоследствии люди стали более спокойными и больше прислушивались к советам тех мудрых и добрых людей, которые благополучно и славно провели их через революцию”»⁶.

³ “The mob, meanwhile, were growing fiercer and fiercer, and seemed ready even to set the town on fire for the sake of burning the king’s friends out of house and home. And yet, angry as they were, they sometimes broke into a loud roar of laughter, as if mischief and destruction were their sport” (153).

⁴ “...as if an enraged wild beast had broken loose and were roaring for its prey” (155).

⁵ “It was like a tempestuous flood, that had swelled beyond its bounds and would sweep everything before it. Hutchinson trembled; he felt, at that moment, that the wrath of the people was a thousand-fold more terrible than the wrath of a king. That was a moment when a loyalist and an aristocrat like Hutchinson might have learned how powerless are kings, nobles, and great men, when the low and humble range themselves against them” (155–156).

⁶ “‘Grandfather,’ said Laurence, indignantly, ‘if the people acted in this manner, they were not worthy of even so much liberty as the King of England was willing to allow them.’

Однако и это объяснение не выглядит убедительным в контексте последующего рассказа дедушки о Бостонской бойне, который требует от него дальнейших оправданий в ответ на возмущенную реакцию внука:

«“Революция, — заметил Лоуренс... — не была таким спокойным и величественным движением, как я предполагал. Мне не нравится слышать о толпах и драках на улицах. Такие поступки были недостойны людей, когда им предстояло достичь великой цели”.

“Тем не менее, мир не видел более грандиозного движения, чем наша революция, от начала и до конца, — сказал дедушка. — Люди, все до единого, были полны великих и благородных чувств. <...> Мы должны простить то, что было неправильным в их действиях, и заглянуть в их сердца и умы в поисках благородных мотивов, которые ими руководили”»⁷.

Как замечает по этому поводу один из зарубежных исследователей, «с помощью вкрадчивых гладких фраз нас здесь пытаются убедить, что благородные мотивы перевешивают бесчестные поступки, а достойные цели оправдывают насильтственные средства. Только такая логика позволяла Готорну сочетать свое понимание исторических событий с желанием оправдать Революцию» (McWilliams, 1976: 558).

НОВЕЛЛЫ И ОЧЕРКИ: НЕКОТОРЫЕ НЮАНСЫ

В нехудожественных произведениях, к каким можно отнести и «Историю дедушкиного кресла», противоречия между демократическими убеждениями Готорна и его нравственно-эстетическим восприятием событий Революции обнаруживаются наиболее явно. В новеллах это противоречие разре-

‘It was a most unjustifiable act, like many other popular movements at that time,’ replied Grandfather. ‘But we must not decide against the justice of the people’s cause merely because an excited mob was guilty of outrageous violence. Besides, all these things were done in the first fury of resentment. Afterwards the people grew more calm, and were more influenced by the counsel of those wise and good men who conducted them safely and gloriously through the Revolution’’ (157–158).

⁷ “‘The Revolution,’ observed Laurence, who had said but little during the evening, ‘was not such a calm, majestic movement as I supposed. I do not love to hear of mobs and broils in the street. These things were unworthy of the people when they had such a great object to accomplish.’

‘Nevertheless, the world has seen no grander movement than that of our Revolution from first to last,’ said Grandfather. ‘The people, to a man, were full of a great and noble sentiment. <...> We must forgive what was wrong in their actions, and look into their hearts and minds for the honorable motives that impelled them’’ (171–172).

шается более органично. Художественное воображение, оперирующее не отвлеченностями, а образами конкретных людей, позволяет Готорну относится к лоялистам с пониманием и сочувствием. Внутренний монолог такого лоялиста — сторонника сохранения в Америке королевской власти — составляет третью часть очерков «Старые новости», а в новелле «Старая Эстер Дадли» с большой симпатией и грустью, хоть и не без иронии, создан образ монархистки, сохраняющей верность королю спустя годы после Революции. Как и в случае с «Историей дедушкиного кресла», идеальное в этой новелле привязано к материальному (в данном случае — дому губернатора), и верность Эстер Дадли монархическому прошлому выражается через ее бескорыстное служение в качестве экономки старого особняка, ключи от которого она хранит в тщетном ожидании приезда нового губернатора, назначенного королем. События новеллы вновь поданы в двойной перспективе — рассказ старого монархиста излагает для читателей «убежденнейший демократ», как рекомендует себя здесь повествователь. Причем в рамках своеобразной игры с читателем он предупреждает, что «самый дух и тон повести» мог в его пересказе «претерпеть некоторые, быть может даже и значительные, изменения» (Готорн, 1982: 216).

Понять и принять иную точку зрения Готорн мог потому, что был художником, а не доктринером и идеологом. Его интересовали прежде всего люди, а единство отечественной истории обеспечивал национальный характер, основу которого составляет пуританство. Ранние пуритане и их потомки накануне Революции оказываются едины в своем противлении тирании и несправедливости. Их общая черта — независимость и свободолюбие, которое не терпит принуждения, будь то в религии или торговле. Комментируя реакцию колоний на Гербовый акт 1765 г., рассказчик «Истории дедушкиного кресла» замечает:

«Но как только Англия причинила зло колониям, потомки первых поселенцев доказали, что у них такой же характер, как у их предков. Только что Новая Англия казалась смиренной верноподданной короны; в следующее мгновение она продемонстрировала мрачные черты старого пуританина, сопротивляющегося королю»⁸.

⁸ “But no sooner did England offer wrong to the colonies than the descendants of the early settlers proved that they had the same kind of temper as their forefathers. The moment before, New England appeared like a humble and loyal subject of the crown; the next instant, she showed the grim, dark features of an old king-resisting Puritan” (148).

В другом месте Готорн так пишет о республиканском губернаторе Сэмюэле Адамсе:

«Его характер был таков, что казалось, будто один из старых пуритан был послан обратно на землю, чтобы вселить в сердца людей то же отвращение к тирании, которое отличало первых поселенцев. Он был таким же религиозным, как и они, таким же суровым и непреклонным и так же глубоко проникся демократическими принципами. Его как никого другого можно считать представителем народа Новой Англии и того духа, с которым они участвовали в революционной борьбе»⁹.

Как видим, здесь вновь утверждается тождество характера раннего пуританина и революционера XVIII в., причем последний подан как идеальный представитель своего народа.

Между тем, ранние проявления этого «пуританского духа», описанные в новеллах «Мой родич, майор Молинью», «Майское дерево Мерри-Маунта» и «Эндикотт и красный крест», сводились не только к актам бунта и свободолюбия. Они выражались также в жестокости, насилии, подавлении инакомыслящих. Готорн не может игнорировать те же самые проявления и в революционных событиях, будь то погром в доме Хатчинсона или Бостонская бойня. И на фоне слепой неуправляемой толпы, движимой низшими инстинктами, роялисты предстают в его очерках и новеллах как благородные жертвы и вызывают если не восхищение, то сочувствие. В ответ на замечание одного из своих юных слушателей, что всех верных королю правителей колонии надо было обмазать дегтем и вываливать в перьях, рассказчик «Истории дедушкиного кресла» замечает:

«Это очень плохое желание, Чарли... Не думай, что честность и неподкупность были присущи только тем, кто боролся за свободу Америки. Насколько я знаю, этими качествами одинаково обладали обе стороны. Разве не достойна восхищения упрямая преданность непопулярному делу? <...> Это был ошибочный принцип, но многие с честью придерживались его и стали его мучениками. <...> Слава Богу, нашей стране не нужно стыдиться своих

⁹ “His character was such, that it seemed as if one of the ancient Puritans had been sent back to earth to animate the people's hearts with the same abhorrence of tyranny that had distinguished the earliest settlers. He was as religious as they, as stern and inflexible, and as deeply imbued with democratic principles. He, better than any one else, may be taken as a representative of the people of New England, and of the spirit with which they engaged in the revolutionary struggle” (173–174).

сыновей — по крайней мере, большинства из них, — какую бы сторону они ни приняли в революционной борьбе»¹⁰.

В этом ответе нравственные свойства души — честность, жертвенная преданность своему делу — превозносятся безотносительно содержательной стороны самого дела. Такой подход позволяет уравнять республиканцев и лоялистов в их высоких моральных качествах. Однако восхваление честной приверженности ошибочному принципу не может не вызывать сомнений и вопросов у вдумчивого читателя.

В цикле очерков «Старые новости» трактовка Готорном Революции как проявления пуританского характера на новом этапе истории обнаруживает дальнейшие противоречия. Размышления об истории здесь вновь привязаны к материальному объекту, — в данном случае, к подшивкам старых пожелтевших газет, которые рассказчик просматривает и комментирует. Очерк под названием «Старый тори» предлагает особенно мрачный образ Революции. Большую часть очерка занимает внутренний монолог лоялиста. Новости, которые старый тори с сокрушением обнаруживает в республиканской газете — кощунственные стишкы о короле, ограбление старой Южной церкви Бостона, — как будто противоречат тезису Готорна о тождественности характера пуритан и революционеров. Во всяком случае, старый тори вопрошают:

«Что бы сказали на это наши прадеды-пуритане? Они никогда не смеялись над словом Божиим, хотя и отрубили голову королю»¹¹.

Очерк заканчивается пассажем, в котором звучит голос уже не старого тори, а самого рассказчика. Призвав относиться с сочувствием к таким как старый тори, Готорн замечает:

«Революция или что-либо другое, нарушающее общественный порядок, может предоставить возможности для проявления выдающихся добродетелей

¹⁰ “That wish is very wrong, Charley... You must not think that there is no integrity and honor except among those who stood up for the freedom of America. For aught I know, there was quite as much of these qualities on one side as on the other. Do you see nothing admirable in a faithful adherence to an unpopular cause? <...> It was a mistaken principle; but many of them cherished it honorably, and were martyrs to it. <...> And, thank Heaven, our country need not be ashamed of her sons, — of most of them at least, — whatever side they took in the Revolutionary contest” (178).

¹¹ “What would our Puritan great-grandsires have said to that? They never laughed at God’s word though they cut off a king’s head” (Hawthorne, 1851: 120). См. также: Hawthorne N. Old news. III. The old tory [Электронный ресурс] // ibiblio. URL: <https://ibiblio.org/eldritch/nh/oldn3.html> [архивировано в Wayback Machine] (дата обращения: 05.02.2025).

отдельных людей; но ее последствия пагубны для общей нравственности. <...> Почти все наши впечатления об этом периоде неприятны, независимо от того, относится ли это к состоянию гражданского общества или к характеру борьбы, которая — особенно там, где сами американцы противостояли друг другу — велась с яростью братоубийственной вражды»¹².

Как видим, в восприятии Готорном Революции на первом плане оказывается не борьба за высокие принципы, а ужасы гражданской войны и общее падение нравов.

Цикл новелл «Легенды губернаторского дома», в отличие от «Истории дедушкиного кресла» и «Старых новостей», как будто изображают Революцию как явление закономерное и благое. Но и здесь не все однозначно. Как мы уже упоминали, в последнем рассказе цикла старая лоялистка Эстер Дадли, хранительница губернаторского дома, изображена сочувственно. Она умирает, когда вместо ожидаемого ею наместника короля в дом приходит Джон Хэнкок, видный деятель Американской революции и первый и четвёртый республиканский губернатор Массачусетса (1780–1785, 1787–1793). Он является яркий образ самосознания новой, демократической власти. Хэнкок рекомендует себя старой Эстер Дадли вполне в духе политической теории Джейфферсона, передовиц «Демократик Ревью» или ранних эссе Эмерсона:

«Я же и те, кто со мной, представляем новую породу людей; мы распрошались с прошлым и почти не живем в настоящем — наши помыслы устремлены в будущее. Мы более не почитаем для себя образцом верования и обычай наших прадедов; у нас одна вера, один принцип: вперед, только вперед!» (Готорн, 1982: 225).

Над телом умершей Дадли Хэнкок повторяет свой характерный лозунг: «Мы с почестями проводим ее в последний путь; а затем, друзья мои, вперед, вперед — и навсегда покончим с прошлым!» (там же).

На первый взгляд, Хэнкок выражает радикальный разрыв с прошлым — как роялистским, так и пуританским. Однако в новелле Готорна «Эндикотт и

¹² “A revolution, or anything that interrupts social order, may afford opportunities for the individual display of eminent virtues; but its effects are pernicious to general morality. <...> Almost all our impressions in regard to this period are unpleasant, whether referring to the state of civil society, or to the character of the contest, which, especially, where native Americans were opposed to each other, was waged with the deadly hatred of fraternal enemies” (Hawthorne, 1851: 122).

красный крест» акт мятежа и святотатства колониального губернатора, вырвавшего красный крест из королевского знамени, прославляется рассказчиком как предзнаменование будущей Революции:

«Да будет имя Эндицотта славно вовеки! Мы смотрим сквозь мглу веков и узнаем в красном кресте, сорванном со знамени Новой Англии, первое предзнаменование того освобождения, которое наши отцы довели до конца, когда кости этого сурового пуританина уже более столетия покоились в земле» (там же: 175).

Хэнкок — это как раз один из тех «отцов-основателей», которые доверили дело пуританина Эндицотта. Поэтому, по концепции Готорна, разрыв Хэнкока с пуританским прошлым не столь радикален, как представляется ему самому. Нигилистический дискурс Хэнкока, в котором как-то механически назойливо, подобно щелканью бича, звучит команда «вперед, вперед!», — нельзя признать тождественным авторскому слову. Хотя бы потому, что отказавшись от прошлого, забыв его «верования и обычай» невозможно было бы написать «Легенды губернаторского дома» или «Историю дедушкиного кресла». Такой отказ несовместим с художественным творчеством, — с тем, в чем Готорн видел свое призвание.

Можно сказать, что, будучи идейным демократом, сердцем Готорн был открыт к чувствам, питаемым самыми разными политическими убеждениями. Характерна в этом отношении запись в дневнике, сделанная Готорном в Ливерпуле, где он служил консулом. Наблюдая, как англичане на светском приеме с воодушевлением поют «Боже, спаси Королеву!», он замечает:

«В первый раз в своей жизни я увидел общность людей, да и вообще человека, охваченного чувством преданности монарху; ибо, хотя мы и считаем себя преданными нашей стране и ее учреждениям и доказываем это готовностью проливать кровь и жертвовать жизнью за нее, все же этот принцип холoden и жесток в американской груди, как стальная пружина, приводящая в действие мощный механизм. <...> Он (англичанин. — A. A.) облекает нашу голую отвлеченность в плоть и кровь — в наше время в плоть и кровь женщины, — и ему удается сочетать в одном чувстве любовь и благоговение. Он олицетворяет в одном человеке свою мать, жену, детей, саму идею своего рода, и делает этого человека представителем своей страны и ее законов. Мы, американцы, высокомерно улыбаемся (как улыбался и я на приеме у мэра), и

все же, думаю, лишаемся очень благотворного сердечного движения вследствие нашей гордой привилегии любить нашего президента не больше, чем соломенное чучело или пугало, торчащее на кукурузном поле»¹³.

Автора этих строк трудно признать «убежденнейшим» демократом. Чувство, сердечное движение открывает ему ограниченность собственной «официальной» политической позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Американская революция для Готорна — это прежде всего проявление возродившегося сурового и независимого «пуританского духа». При этом для писателя не представляют художественного интереса ни догматические верования пуритан, в свое время заставившие их покинуть родину, ни республиканские политические теории, питавшие мысль отцов-основателей. Даже религиозность пуритан и безбожие людей XVIII в. — второстепенные черты для определения Готорном национального характера. Главное — какими «суровыми, несгибаемыми, непреклонными»¹⁴ людьми были как пуритане, так и революционеры в отстаивании своих принципов.

И в религии, и в политике Готорн руководствовался не умом, а сердцем. Поэтому ему одинаково претило насилие и пуритан, и революционеров. И, напротив, восхищало свободолюбие патриотов и жертвенная преданность тори своим монархическим убеждениям. Нетрудно заметить слабость и уязвимость такой «адогматической» позиции, игнорирующей содержание убеждений и приписывающей нравственное достоинство лишь их силе и твердости. Вот характерное высказывание Готорна о писательнице Дэлии Бэкон, с которой он познакомился в Англии. Как известно, Дэлия Бэкон была убеждена, что

¹³ “It was the first time in my life that I had ever seen a body of men, or even a single man, under the active influence of the sentiment of Loyalty; for, though we call ourselves loyal to our country and institutions, and prove it by our readiness to shed blood and sacrifice life in their behalf, still the principle is as cold and hard, in an American bosom, as the steel spring that puts in motion a powerful machinery. <...> He clothes our bare abstraction in flesh and blood, — at present, in the flesh and blood of a woman, — and manages to combine love, awe, and intellectual reverence, all in one emotion, and to embody his mother, his wife, his children, the whole idea of kindred, in a single person, and make her the representative of his country and its laws. We Americans smile superior, as I did at the Mayor’s table; and yet, I fancy, we lose some very agreeable titillations of the heart in consequence of our proud prerogative of caring no more about our President than for a man of straw, or a stuffed scarecrow straddling in a cornfield” (Hawthorne, 1883: 380).

¹⁴ “...the sombre, stern, and rigid characteristics of the Puritans...” (vi).

все произведения Шекспира были написаны лордом Фрэнсисом Бэконом в соавторстве с целым кружком знатных интеллектуалов. Готорн по этому поводу пишет:

«Вера (мисс Бэкон. — A. A.) в ее собственные идеи (хотя они и ошибочны) столь подлинна, что превращает их в золото, или, во всяком случае, примешивает значительную долю этого драгоценного металла к отходам, которые легко можно отделить»¹⁵.

Очевидно, достоинство веры для Готорна состоит не в том, во *что* человек верит, а в том, *как* он верит.

С другой стороны, в политике — области относительных истин — такая позиция, позволяющая подняться над партийной ангажированностью, увидеть и понять человека по ту сторону «баррикад» может оказаться созидательна и плодотворна. Россия, как и Америка, пережила революцию и по сей день ищет основу единства своей истории, пути общественного согласия и примирения. Опыт Готорна — как писателя и как человека — может представлять здесь интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Венедиктова, Т. Д. (1994) Обретение голоса: американская национальная поэтическая традиция. М. 152 с.
- Готорн, Н. (1982) Избр. произв. : в 2-х т. / пер. с англ. ; сост. и comment. А. Долинина. Л. : Художественная литература. Т. 2. 512 с.
- Карельский, А. В. (1992) Революция социальная и революция романтическая // Вопросы литературы. № 2. С. 187–226.
- Brown, G. (2004) Hawthorne's American history // The Cambridge companion to Nathaniel Hawthorne / ed. by R. H. Millington. Cambridge; New York : Cambridge University Press. P. 121–142.
- Hawthorne, N. (1851) The snow-image, and other tales. London : Henry G. Bohn. vii, 176 p.
- Hawthorne, N. (1876) True stories from history and biography. Boston : James R. Osgood and Company. 290 p.

¹⁵ “Her faith in her own ideas was so genuine, that, erroneous as they were, it transmuted them to gold, or, at all events, interfused a large proportion of that precious and indestructible substance among the waste material from which it can readily be sifted” (Hawthorne, 1883: 129).

Hawthorne, N. (1883) *The complete works of Nathaniel Hawthorne* : in 13 vols. Boston ; New York : Houghton, Mifflin and Company. Vol. 7: Our old home, and English note-books (vol. 1). 588 p.

Hawthorne, N. (1974) *The centenary edition of the works of Nathaniel Hawthorne* : [in 23 vols.] / ed. by W. Charvat at al. [Columbus, OH] : Ohio State University Press. Vol. IX: Twice-told tales. xi, 637 p.

Lewis, R. W. B. (1955) *The American Adam: Innocence, tragedy, and tradition in the nineteenth century*. Chicago ; London : The University of Chicago Press. vi, 201 p.

McWilliams, J. P. Jr. (1976) “Thorough-going democrat” and “modern tory”: Hawthorne and the Puritan Revolution of 1776 // *Studies in Romanticism*. Vol. 15, No. 4: Romanticism and the American Revolution. P. 549–571. DOI [10.2307/25600049](https://doi.org/10.2307/25600049).

Wertenbaker, T. J. (1950) *The fall of the wilderness Zion // Puritanism in early America* / ed. with an introduction by G. M. Waller. Lexington, MA ; Toronto ; London : D. C. Heath and Company. P. 22–35.

Дата поступления: 10.12.2024 г.

Дата принятия: 15.01.2025 г.

REFERENCES

Brown, G. (2004) Hawthorne’s American history. In: *The Cambridge companion to Nathaniel Hawthorne* / ed. by R. H. Millington. Cambridge; New York : Cambridge University Press. Pp. 121–142.

Hawthorne, N. (1851) *The snow-image, and other tales*. London : Henry G. Bohn. vii, 176 p.

Hawthorne, N. (1876) *True stories from history and biography*. Boston : James R. Osgood and Company. 290 p.

Hawthorne, N. (1883) *The complete works of Nathaniel Hawthorne* : in 13 vols. Boston ; New York : Houghton, Mifflin and Company. Vol. 7: Our old home, and English note-books (vol. 1). 588 p.

Hawthorne, N. (1974) *The centenary edition of the works of Nathaniel Hawthorne* : [in 23 vols.] / ed. by W. Charvat at al. [Columbus, OH] : Ohio State University Press. Vol. IX: Twice-told tales. xi, 637 p.

Lewis, R. W. B. (1955) *The American Adam: Innocence, tragedy, and tradition in the nineteenth century*. Chicago ; London : The University of Chicago Press. vi, 201 p.

McWilliams, J. P. Jr. (1976) “Thorough-going democrat” and “modern tory”: Hawthorne and the Puritan Revolution of 1776. *Studies in Romanticism*, vol. 15, no.

4: Romanticism and the American Revolution, pp. 549–571. DOI [10.2307/25600049](https://doi.org/10.2307/25600049).

Wertenbaker, T. J. (1950) The fall of the wilderness Zion. In: *Puritanism in early America* / ed. with an introduction by G. M. Waller. Lexington, MA ; Toronto ; London : D. C. Heath and Company. Pp. 22–35.

Submission date: 10.12.2024.

Acceptance date: 15.01.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксенов Алексей Валерьевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Адрес: 109651, Россия, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, корп. 2. Эл. адрес: readeralexey@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

AXYONOV Alexey Valerievich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, St. Tikhon's Orthodox University. Postal address: Bldg. 2, 9 Ilovaiskaya St., 109651 Moscow, Russian Federation. E-mail: readeralexey@yandex.ru

SPIN-код: [6093-6419](https://doi.org/10.2307/25600049)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аксенов А. В. Американская революция в наследии Н. Готорна: политические убеждения и художественное видение [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2025. № 1. С. 3–19. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/2184> (дата обращения: дд.мм.гггг). EDN VSVRKY. DOI [10.2307/25600049](https://doi.org/10.2307/25600049)

FOR CITATION

Axyonov, A. V. (2025) The American Revolution in N. Hawthorne's legacy: Political beliefs and artistic vision. *Horizons of Humanities Knowledge*, no. 1, pp. 3–19. Available at: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/2184> (accessed: dd. mm.yyyy) (In Russ.). EDN VSVRKY. DOI [10.2307/25600049](https://doi.org/10.2307/25600049).